

Ключ Солнца

Александр Леонтьев

Александр Леонтьев

Клоун Солнца

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Леонтьев А.

Клоун Солнца / А. Леонтьев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Повесть «Клоун Солнца» — не просто рассказ о первой любви и дружбе, о преданности и предательстве, о сложности переходного возраста. На самом деле это притча о том, какой высокой ценой обретается подлинное чувство, о том, какой невидимой, крепкой нитью мы все связаны и как все похожи в попытках преодолеть страх и стать человеком. Достоверный психологизм, неповторимая интонация, пронзительная искренность и лиричность — все это делает повесть Александра Леонтьева «Клоун Солнца» значительным явлением в современном литературном процессе.

© Леонтьев А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Леонтьев

Клоун Солнца

(повесть)

Пролог

Летит, летит паутина, опутывая все серебристыми нитями, деревья стоят, как заворонженные. Медленно, величаво течет река, струится, рябит на плесах, бежит к морю.

Вдоль реки бежит мальчик, лесная тропинка мелькает между высокими кленами, раз, раз – накатывает с шумом кровь к сердцу, раз, раз – вздымается пыль под ногами.

На дальнем берегу под багряно-желтыми кронами сидит на корточках рыбак, привстает, чтобы проверить, хорошо ли натянута леска, щурится, закрываясь ладонью от солнца.

Длинные, размытые, янтарные тени деревьев плещутся в реке, наклонились чуть ивы, кое-где вспорхнет птица, или вдруг пролетит бабочка. Синевя неба ясная, спокойная, ветер доносит из садов запах пахоты и нагретых солнцем плодов.

Лесная тропинка мелькает между деревьями, мелькает перед глазами...

Раз, раз – стучат ноги о прохладную пыль, горят босые ступни, раз, раз – перепрыгивает мальчик ветки и сухой валежник...

Вот он остановился, и, отдышавшись, присел на поваленный бурей ствол акации.

На мелководе, у самого берега, он заметил уток-нырков, уточку и селезня, и рядом с ними целый выводок утят, которые отщипывали кусочки водорослей с длинных стеблей травы, иногда они вдруг взлетали, пробуя силу крыльев, проносились несколько метров над рекой и с радостным плеском приводнялись, окатывая друг друга брызгами; вот скользнул между камышами уж, охотясь за лягушками, которых там была тьма-тьмущая, бугристых, большелапых, буро-зеленых, пучеглазых, – показалась над водой его острая голова с желтыми точками на затылке, и, извиваясь долгим телом, он стремительно поплыл дальше, распугивая утят.

Из-за реки подул ветер, зашелестел с сухим треском камыш, и пахло осенью, а мальчик все смотрел, как мальки ходят стайками у корней в прозрачной воде.

Вдалеке, на самой середине реки, всплеснул сом; это заметил и рыбак, он еще раз проверил, как натянута леска, и правильно ли установлены колокольчики на донке.

В глубине леса послышалось: ку-ку, ку-ку...

Кукушка куковала долго, очень долго, – несколько раз мальчик сбивался со счета, и, подумав, что, наверно, это к его долгой жизни, улыбнулся.

А тем временем мама-утка, выйдя на берег, чистила перышки своему малышу, а папаселезень кружился в воде, зорко высматривая камышового кота, которые еще водились в плавнях.

Рыбак наконец поймал крупную рыбу и, довольный уловом, бросил ее в садок.

Предзакатное солнце золотило верхушки деревьев, на цветах кашки важный шмель деловито зарывался в пыльцу, отпугивая пчел, и так ласково пригревало августовское солнце, так мирно бархатисто гудели пчелы, что мальчик вновь заулыбался.

– Тим!

Неожиданно раздалось в тишине и сумраке леса.

Мальчик повернулся и долго всматривался в смутные тени между деревьями.

– Вот ты где?

Появилась из-за кустов, споткнувшись о колючую плеть ежевики, девочка-подросток. Выгоревшие волосы у нее ерошил ветер.

– Вера? Ты что, следишь за мной?

Поднялся он, отряхивая шорты.

– Вот еще, – отвернулась она, покраснев. – Все ужинать собираются, а тебя все нет.

– А-а, ну идем... – бросил он, равнодушно скользнув по ней взглядом, и побрел прямо через кустарник к лагерю, где уже разводили костры.

Девочка задумчиво смотрела ему вслед.

«Странно, почему я так часто думаю о нем».

Она смутилась, пытаясь разобраться в новых мыслях и чувствах, которые вдруг нахлынули на нее.

Ей хотелось поделиться с кем-то своими переживаниями, но она так боялась, что над ней подсмеются.

Смахнув с лица серебристую паутину, она встряхнула короткими кудрями и решительно зашагала вслед за ним к стоянке.

Двухместные и четырехместные палатки стояли полукругом на поляне между кленами, под обрывом на легкой зыби покачивалась моторная лодка, байдарки лежали на песке, у самой реки.

Солнце закатывалось за холмы, которые розовели на горизонте, а потом вдруг последний луч погас, птичий щебет смолк, и сумрак стал прятаться под деревья.

Ребята уже давно натаскали хворост, разожгли костры, и разогревали жаркое в походных котелках.

Ночь опустилась на землю быстро и неожиданно, но вот костры разгорелись, и тьма отступила.

Тимофей подсел к костру, и тренер насыпал ему в жестяную походную миску половник жаркого, которое отдавало пряным дымком.

Переход был долгий, все проголодались и ели с удовольствием.

Угли рассыпались, с тихим шорохом, потрескивали сучья и ветки.

Он смотрел сквозь огонь на струящееся расплавленное олово реки, которая сияла в свете луны и звезд.

«Как чудесно!» – тихо произнес он, глядя на лица друзей в отблесках костра.

Заметил Веру и подумал: «Интересно, что с ней?»

Но вскоре мысли его потекли в другом направлении: он вспомнил дом, маму, и что скоро в школу...

На рассвете река сверкала в оранжевых лучах солнца, и приходилось жмуриться, когда они на байдарках пересекали фарватер.

Весь день они шли против течения, тренер всячески подбадривал их, а иногда, обогнав группу на моторке, шел впереди на малом ходу, чтобы они могли отдохнуть, пристроившись в отработке.

Когда солнце, перевалив экватор, зависло огненным красным шаром над противоположным лесистым берегом, и они совсем выбились из сил, – вдали показался белый город, сверкая куполами Воскресенского собора.

Часть первая

Только под вечер он оказался у своего дома; во дворе между высотками с визгом носилась малышня, в беседке подростки играли в карты.

Он остановился возле березы, которую они посадили с отцом, и провел ладонью по гладкой коре дерева, мелкая листва зашелестела, и на асфальт полетело несколько желтых листьев.

Из-под детской горки навстречу ему выбежала, виляя хвостом, клокастая, стареющая собака Фимка, у которой слезились глаза и пожелтели зубы, но которая каждый год исправно одаривала мир потомством, – вот и сейчас за ней выкатилось несколько пушистых комочков, совсем недавно открывших глаза и увидевших мир; Тим часто их подкармливал, и поэтому ни Фимка, ни щенки его совсем не боялись, но Фимка привечала его не только за кормежку, но и по старой дружбе, помня, наверное, еще то время, когда они вместе возились в деревянной горке.

С радостным урчанием Фимка бросилась ему в ноги, он зажал ее умную морду между колен, потрепал бугристый загривок за ушами, и она от удовольствия мелко-мелко завиляла хвостом.

– Чего ты ее постоянно чешешь? У нее ж вон, какой лишай на спине! – бросил, подходя, дядя Егор, охранник с автомобильной стоянки, его удивляло, почему именно к Тиму собака бросалась с такой искренней радостью.

– Это не лишай, а подпалины, – отозвался Тим, улыбаясь.

– Да-а, – протянул дядя Егор, – запаршивела, а когда-то была масть, даром что ли за ней женихи гоняются, вон опять приплод принесла, – примирительно добавил он, вытирая затылок платком.

– Напомни матери, что пора платить за стоянку, – добавил он.

– Ладно, скажу.

Тим поднялся, отпихнув Фимку, – и та бежала за ним до самого дома, путаясь под ногами и преданно заглядывая в глаза.

* * *

Ведро с грохотом полетело в колодец, со звоном ударилось о воду, кувыркнулось, и, зачерпнув воды, замерло, мигая серебристыми звездами.

Утолив жажду, Тим поставил ведро на сруб и огляделся.

Их фамильный дом был единственный среди многоэтажек, которые окружали его дугой, в форме подковы.

Дом был необычный: цоколь был выложен из белого пильного камня, а стены первого и второго этажа – из красного кирпича, мансарда была выполнена по проекту отца, а плоская крыша с загнутыми краями напоминала китайскую пагоду.

Когда-то здесь стоял деревянный дом, который построил еще его прадед; на первом этаже в зале висела на стене фотография, на которой он был в форме железнодорожника: худощавый, прямой, с открытым лицом и ясным взглядом чуть изумленных глаз.

Тим помнил, как отец сказал однажды: «Хорошо было жить тогда и рисовать такие красивые лица».

На что бабушка, которая, по ее словам, пострадала от прежней власти, хоть и дослужилась до высоких чинов, отрезала:

– Вот и рисовал бы лагерников с красивыми лицами в Воркуте.

Отец не спорил, – с бабой Шурой лучше было не связываться.

Она много такого рассказывала, во что Тим верил с трудом: уж слишком отличался мир, в котором жили его предки, от мира сегодняшнего.

Да, их дом всегда выделялся среди прочих, которые хозяева продали без сожалений, – а они свой отстояли.

Чего только не предпринимала строительная компания, чтобы завладеть им: сваливала мусор у ворот, и перекрывала воду, и кипятила смолу с подветренной стороны, так что дым залетал в окна, но не тут-то было: бабушка, которая последние годы тихо грустила на пенсии, обретя новую цель в жизни, развила такую бурную деятельность, что им даже дали разрешение в мэрии на еще один водоотвод, чего не удавалось добиться и в лучшие времена, когда был жив дед Тима.

Дом возвышался над рекой, с тыльной стороны к реке сбегал крутой склон, поросший кустарником, а из окон мансарды летом были видны желтые отмели, на которые набегала пенная волна. Зимой, когда река замерзала, на ней колко искрился зеленоватый, как медь, лед. Вдаль, по правую руку тянулся парк, усаженный липами, каштанами, орехами, голубыми елями и тополями, а на горизонте виднелся речной порт.

Двор был огорожен высоким забором, с кирпичными фигурными столбами, украшенными барельефами; летом его укрывали раскидистые кроны фруктовых деревьев, но зимой, когда листва облетала, и замерзшие ветви звенели на холодном ветру, для жильцов верхних этажей весь двор был виден, как на ладони.

Сад за последние годы так разросся, что ветви деревьев свисали через забор, и соседская ребятня с удовольствием лакомялась яблоками и сливами.

Тим заметил, что пока он отсутствовал, сливы уже осыпались, но ветви яблонь упруго клонились к земле, отягощенные сочными, сладкими плодами; в лучах вечернего солнца ярко сияла роса на траве, а по углам двора тихо гудели высокие сосны, на которых весной, возле гнезд, трещали сороки.

Казалось, осень чуть дохнула, а деревья уже расцвели яркими красками.

«Как на картинах отца», – подумал Тимофей, вспомнив, что отец больше всего любил рисовать осень, находя особую прелесть в её огненно-рыжей красе.

– А-а, – вернулся!

Раздался за спиной возглас, и лязгнула железная калитка.

У входа стояла бабушка.

– Смотри, загорел как, а! Ну, чего улыбаешься, лучше бы помог бы...

Бабушка передала ему сумки, достала из ящика матерчатые перчатки, совок, и стала окучивать георгины, которые росли вдоль дорожки.

Шагая по хрустящему гравию, Тим с удовольствием вдыхал вечерние запахи сада.

Бросив сумки с продуктами в зале, он поднялся в спальню; внимание его привлекла девочка, которая стояла на балконе соседней десятиэтажки.

В этот момент к подъезду с шумом и треском подъехал фургон с мебелью, сдал назад, и выворотил бордюр; из «Вольво», которое сопровождало фургон, хлопнув дверцей, выскочила женщина, в желтом сарафане, и накинулась на водителя:

– У тебя что повылазило! Боже, куда мы попали! – воскликнула она, озираясь по сторонам.

– Тоже мне царица-кикимора, – подумал Тим, но его внимание вновь привлекла девочка, которая, помахав рукой, крикнула с балкона: «Мама!»

Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы опереться о перила высокой лоджии, а потом она вдруг развернулась, взмахнула рукой, и сделала шаг в сторону Тима, как балерина.

– Артистка, – усмехнулся он, приоткрыл больше окно, и тут вдруг до него донеслось пение.

Девочка пела английскую балладу. Голос ее отражался от высоких стен, как в руко-творном театре, где сводом служило небо, она так увлеклась пением, что совсем не замечала, что за ней наблюдают, улыбка не сходила с ее лица, и Тим почувствовал, что вот сейчас она уйдет, и волшебство кончится.

Только раз в жизни он испытал такое чувство, когда собирал с родителями в лесу грибы, и столкнулся с оленем. Он столкнулся с ним нос к носу: олень и он сам не успели сперва осознать, что случилось, и замерли на мгновение, разглядывая друг друга; Тим успел рассмотреть его бархатистый нос, и влажные подрагивающие губы, и ветвистые рога.

Олень грациозно поднял голову и, мелко подрагивая кротким пушистым хвостом, прядал ушами, прислушиваясь к звукам, идущим из глубины леса. Олень совсем не боялся и продолжал спокойно жевать мох, который в изобилии рос в подлеске.

На всю жизнь Тим запомнил этот «олений» взгляд, в нем не было испуга, или изумления, в нем была спокойная грация красоты, и чистота, и готовность к прыжку и полету.

Хрустнул рядом сучок.

«Тим, ты где?» – раздался поблизости голос мамы, и олень, насторожившись, гордо, с достоинством, шагнул в росистый туман.

Продолжая петь, девочка неожиданно обернулась, на мгновение их взгляды встретились, – она резко оборвала пение, фыркнула, и убежала с балкона, хлопнув дверью.

Он заметил у ворот Веру, которая сделала ему знак рукой, чтобы он спустился.

– Выйди, дело есть! – позвала она.

«Ну, чего ей опять?» – удивился Тим.

Они учились вместе с первого класса еще на микрорайоне, а потом в один год перевелись в новую школу, и Верка всегда была рядом, где они только вместе не лазили.

Конопушки весело прыгали у нее на лице, и выгоревшие волосы летом оттеняли загар, но больше ничего примечательного в ней не было, она была такая, как все девчонки, пожалуй, только не дулась так, как другие, и все время пропадала с мальчишками, а куклы – это было не для нее.

Тим привык к ней, и всегда относился к ней, как к чему-то обычному, постоянному, тому, что всегда рядом.

«Вера? А, Вера...» – небрежно отзывался он, когда кто-нибудь из приятелей спрашивал о ней.

Правда, за последний год кое-что изменилось, непонятно почему, но иногда он испытывал странное томление в ее присутствии, и это его волновало и будоражило, и требовало какого-то выхода, но какого, он еще и сам не знал.

– Отец приехал, – произнесла Вера с придыханием, когда он спустился. – Подарок тебе привез.

– Какой подарок?

– Идем, сейчас сам увидишь.

Когда они ехали в лифте, Тим вдруг отчего-то смутился, но девочка смотрела на него ясно открыто, ее глаза сияли, и смущение прошло.

Лифт поднимался очень медленно, и они не проронили ни слова, каждый думая о своем.

– А, привет, переплетчик! – протянул ему руку отец Веры и приветливо улыбнулся.

Такое прозвище он ему дал за то, что мальчик однажды собрал у них журналы «Вокруг света» и переплел в мастерской за свои деньги, и теперь «подшивка» стояла в гостиной на видном месте, за стеклом старинной горки из красного дерева.

В гостиной, под антресолями, в нишах стенки были расставлены статуэтки, лежали всякие безделушки из цветного стекла и слоновой кости, скребки, наконечники копий, но все это, на взгляд Тима, не представляло особой ценности, за исключением, конечно, монет.

Но то, что отец Веры показал на этот раз, стоило потраченного времени: маска была редчайшая, сделана из эбенового дерева, с особой раскраской. Это была ритуальная маска Мага Дождя, подобные маски находили французские исследователи в Судане, на границе Сахары.

– Откуда она у вас, дядя Андрей? – спросил Тим, рассматривая, как замороженный, маску.

– Выменял у одного вождя на патроны.

– На патроны?

– Ну, у них там гражданская война, и мы помогали повстанцам.

– А-а, – протянул Тим.

Он продолжал с интересом вертеть в руках маску, а потом вдруг попросил Веру: «Примерь, пожалуйста».

Она приложила маску к лицу, и сквозь прорези в маске блеснули ее глаза.

Только сейчас Тим впервые заметил, что глаза у нее изумрудного цвета с золотистыми крапинками на радужной оболочке. Выгоревшие, светло-русые, белые, как крыло голубя, волосы, изумруд глаз и пастельно-коричневые тона маски с яркими разводами золота и охры, – все это создавало удивительное впечатление.

Но самое замечательное было то, что ему показалось, будто маска вдруг ожила, исчезла её магическая суровость, её губы ожили и расплылись в полуулыбке.

Тим стряхнул с себя наваждение и восторженно протянул:

– Ве-ещь!

– Или? – подмигнул ему отец Веры. – Бери, дарю, тебе привез специально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.